423601 ОИК 396598
51685 51686

Марченко, В.Р.

Рассказ очевидца о 14-м декабря 1825

Лейпциг, 1863

ОИК
32РУБ.

Стр. все.
Пометки

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ТОМЪ XVIII.

Г 34.4/233

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА

о

14мъ ДЕКАБРѢ 1825.

Mémoire d'un témoin oculaire du 14 décembre 1825.

БИБЛІОТЕКА Н. А. и В. Н. РОГОЖИНЫХЪ

ЛЕЙПЦИГЪ, Вольфгангъ Гергардъ. | LEIPZIG, Wolfgang Gerhard.

Центральный книжній магазинъ для славянскихъ странъ.

1863.

Марченко В. Р.

У. Шибанова 11/89
75 к.

Муз. 5850.
Инд 734
2/3

№ 2687

Г 34 4/233

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА

о

14мъ ДЕКАБРѢ 1825.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА

О

14мъ ДЕКАБРѢ 1825.

(Изд. кн. Ав. Галицина.)

БИБЛІОТЕКА
Н. В. и В. Н. РОГОЖИНЫХЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

Центральный книжній магазинъ для славянскихъ странъ.

1863.

Инв. № 396598

* БИБЛІОТЕКА *
Н. А. и В. К. Ростовцевыхъ.

СОБЫТІЯ, ВЪ ГЛАЗАХЪ МОИХЪ СОВЕРШИВШІЯСЯ, ПРИ ВОЗШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ Iго.

По полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра Iго, собранъ былъ ночью Государственный Совѣтъ и распечатана духовная, по силѣ которой, за отреченіемъ Его Высочества Великаго Князя Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу; но Онъ тутъ же отозвался, что отреченіе Великаго Князя не есть отреченіе Императора, что духовная не была въ свое время сдѣлана гласною Манифестомъ, и что Онъ, сохраняя коренной законъ о наслѣдіи, самъ первый принесетъ присягу Императору

Константину; — что и исполнено было на другой день рано по утру въ большой Церкви Зимняго Дворца.

Сей рѣшительный, безпрекословно правдивый и благородный поступокъ, — представлялъ однако въ самомъ началѣ недоумѣніе и даже опасеніе. Какъ присягать Совѣту, Синоду и Сенату, имѣющимъ равныя экземпляры духовной Александра на сохраненіи, когда воля Его должна быть священна до обнародованія новаго Императора? Какъ безъ Манифеста сего послѣдняго приводить Россію къ присягѣ? Какъ оправдываться въ утайкѣ духовной, когда Константинъ Павловичъ не вступитъ на престолъ? Какъ сокрыть ее, ежели онъ вступитъ, когда въ Совѣтѣ она оглашена уже и можетъ быть вскрытъ такъ же въ Москвѣ конвертъ, хранившійся въ Успенскомъ соборѣ? Словомъ, понимали, что дѣло какъ-то неладно, но шагъ сдѣланъ: Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ пошли въ свои церкви и присягнули; — отъ своего имени, безъ Манифеста, рѣшился Сенатъ сдѣлать предписаніе о повсемѣстной присягѣ Императору Константину, и мы оставались 15ть дней безъ повелителя. Ибо изъ Варшавы отъ Константина Павловича не

было Манифеста, а Николай Павловичъ оставался здѣсь, послѣ присяги, въ своей сферѣ. Положеніе столицы, при полномъ спокойствіи, было непонятно: первые дни всѣ поражены были ужасною мыслію о неожиданной потерѣ Александра; но когда скорбь начала слабѣть, разнеслась шопотомъ молва о духовной, стали судить о скорой присягѣ, о медленномъ пріѣздѣ сюда Цесаревича и проч.

Городъ не зналъ тогда, что Константинъ Павловичъ, получивъ прямо изъ Таганрога извѣстіе о кончинѣ Александра Iго, тотчасъ подтвердилъ отреченіе отъ престола письмами къ матушкѣ и брату Николаю Павловичу, которыя получены здѣсь по учиненіи уже присяги. Отъ этого завязалась семейная переписка, бывшая тайною Двора, и наконецъ отправленъ въ Варшаву Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ такъ же не многіе знали; но въ теченіи послѣдней недѣли, два слуха прошли по городу: 1) Сенатъ, предписавъ о повсемѣстной присягѣ, донесъ о томъ Императору Константину Павловичу. Служившій въ Сенатѣ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ Никитинъ, выхлопоталъ, чтобъ его послали съ этимъ донесеніемъ

въ Варшаву; только Никитина изъ Бѣлостока не пропустили далѣе, а депеши отправили къ Константину Павловичу. Это разсказывали со смѣхомъ потому, что будто наложница М. Ю. Князя Лобанова получила 10/т. руб. съ Никитина за то, чтобы старикъ послалъ его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго куръера. 2) Пріѣхавшіе съ Рижскаго тракта сказывали, что Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичь не поѣхалъ въ Варшаву, а живетъ на почтовой станціи за Нарвою.

Къ симъ непостижимостямъ, прибавилось еще прибытіе изъ Грузина Графа Аракчеева. Со Сентября мѣсяца, когда зарѣзана старая любовница его Настасья, онъ жилъ въ деревнѣ, и, сбросивъ съ себя служебныя обязанности, занимался истребленіемъ дворни своей и личнымъ вліяніемъ на уголовный Судъ и Новгородскаго Губернатора Жеребцова, изгнаннаго послѣ за излишнюю ему угодливость изъ службы; но предчувствіе ли, тайныя-ли извѣстія, при увѣренности сколь онъ ненавидимъ въ военномъ поселеніи, заставили его переѣхать въ С. Петербургъ и запереться такъ, что не пустилъ даже къ себѣ Военнаго Генералъ-Губернатора Графа

Милорадовича, пріѣзжавшаго съ порученіемъ отъ Николая Павловича. Потеря духа его была столь велика, что кстати разсказать здѣсь анекдотъ о Полицмейстерѣ Чихачевѣ. онъ былъ адъютантомъ Графа Аракчеева, чрезъ него получилъ и мѣсто Полицмейстера, исполнялъ всѣ его коммиссіи, словомъ былъ и домашній человѣкъ и пріятель такой руки, что часто Графъ посылалъ ему сказать по утру, что сего-дня будетъ у него обѣдать. Чихачевъ, видѣвшій Графа въ послѣдній разъ въ Грузино, въ день похоронъ Настасьи, (когда, о подлость величайшая! Архимандритъ Ѳотій въ надгробной рѣчи утѣшилъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная поступила въ сонмъ великомученицъ), узнавъ ночью о пріѣздѣ Графа, поспѣшилъ по утру заѣхать къ нему, но въ три пріема получалъ одинакій отвѣтъ: что рѣшительно не велѣно ни объ комъ докладывать. Вечеромъ часу въ 10мъ Графъ Милорадовичь призываетъ Чихачева и даетъ читать формальное отношеніе Графа Аракчеева, коимъ проситъ воспретить Чихачеву безпокоить его, ибо надѣется, что онъ не состоитъ подъ надзоромъ полиціи.

Все это и слухи, что въ Грузино, при быт-

ности Полковника Тизенгаузена, исполняются уголовные приговоры съ ужасною жестокостію, занимало публику разсказами и догадками.

Надобно было прекратить недоумѣніе и толки, день о то дня возраставшія, и Николай Павловичъ рѣшился возсѣсть на престолъ. 13го Декабря ночью собранъ былъ Совѣтъ, въ которомъ Его Высочество предъявилъ всю переписку свою съ братомъ и проэктъ Манифеста, писаннаго, какъ тогда говорили, Карамзинымъ. Проэктъ былъ одобренъ и тутъ же въ самую полночь подписанъ новымъ Императоромъ. 14е число былъ Понедѣльникъ, обыкновенный день общаго собранія Совѣта, и положено въ ночномъ засѣданіи собраться по утру въ 9ть часовъ для присяги. По пріѣздѣ въ Совѣтъ, нашелъ я дворцовую повѣстку, что въ 2 часа назначено поздравленіе Императора, и поэтому отпустилъ карету домой до 1/часа. По съѣздѣ членовъ, пошли мы въ придворную церковь, присягнули, подписали имена свои на листѣ и въ 10ть часовъ явились по дорогѣ изъ церкви съ поздравленіемъ къ Императору, принявшему насъ въ комнатахъ Великокняжескихъ (въ корридорѣ окнами къ адмиралтейству), а отъ него чрезъ

комнату на лѣво къ вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. По возвращеніи въ Совѣтъ, помѣщавшійся тогда въ комнатахъ бывшаго Оберъ-Гофмаршала Толстова (въ корридорѣ окнами на дворъ), открыто было засѣданіе; но какъ нѣкоторые старики члены стали жаловаться на усталость и что въ два часа надобно опять быть на ногахъ, то докладъ дѣлъ отмѣненъ и всѣ разъѣхались; я же по неволѣ остался во дворцѣ, отпустивши карету домой, и, располагая походить съ часъ времени въ Ермитажѣ, вышелъ въ корридоръ. Едва отворилъ дверь, на встрѣчу мнѣ Графъ Милорадовичь, щегольски одѣтый и всегда веселый: «я сейчасъ былъ съ рапортомъ у новаго Императора (сказалъ онъ) о благополучномъ состояніи столицы: всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра пробиться нельзя въ церквахъ.» На вопросъ же мой о войскѣ, отвѣчалъ; что и оно присягнуло, только въ конной артиллеріи подъ Смольнымъ что-то случилось, но это вздоръ, и тамъ теперь Великій Князь Михаилъ Павловичь. Вмѣстѣ съ симъ предлагалъ ѣхать съ нимъ въ театральную школу на пирогъ къ директору театровъ

Г. Майкову, который въ тотъ день былъ именинникъ; но я, бывши въ мундирѣ, не принялъ его приглашенія, сколько онъ ни настаивалъ. Оно однако родило мысль во мнѣ выпить рюмку мадеры и съѣсть кренделекъ для того, что ранѣе 4го часа нельзя было отдѣлаться изъ дворца, и я воротился въ Совѣтъ. Ожидая пока камеръ-лакей подастъ мадеры, подхожу къ окну, и удивляюсь, что Императоръ въ парадной формѣ учитъ егерей или Финляндцевъ, стоявшихъ тогда въ караулѣ. Надобно знать, что будучи Великимъ Княземъ, когда разводъ былъ его полковъ, Императоръ всегда самъ вводилъ людей въ сошки на дворцовомъ дворѣ, дѣлая маневръ этотъ два, а иногда и три раза, о потомъ своими руками свертывалъ знамя и завязывалъ знаменный чехолъ. Въ сіе время входитъ помощникъ Статсъ Секретаря Свиньинъ (теперешній Сенаторъ) и говоритъ, что онъ не могъ проѣхать; вездѣ войско, народъ валитъ на площадь, и онъ воротился, чтобы переждать. Слышавши отъ Графа Милорадовича, что Гвардія присягнула уже, слѣдовательно каждая часть въ своемъ полку, я подумалъ, что сборомъ ея предъ дворцомъ начнется поздравленіе Импера-

тора; вспомнилъ, какъ Александръ 1й въ 1801 году явился на балконѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, народу и гвардіи, состоявшей тогда не болѣе какъ изъ 7/т. человѣкъ и присягнувшей на площади, — и указалъ Свиньину на Государя, занимающагося гаубвахтою; но каково было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что по командѣ Его, какъ на ученьѣ, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порохъ на полки. Послѣ этого Императоръ повелъ людей въ ворота на площадь, а съ гауптвахты бѣжали за нимъ караульные офицеры, обнажая на дворѣ уже свои шпаги. Хотѣлось выйдти на площадь, но неуклющій губернскій мундиръ мѣшалъ; я послалъ домой куръера за фракомъ, а между тѣмъ поручилъ придворному лакею пройдти по комендантской лѣстницѣ къ экзерцизъ-гаузу и узнать, что дѣлается. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что Государь стоитъ съ командою, снятою съ гауптвахты, между дворцовыхъ воротъ и фонарикомъ; около него толпа народу; онъ читалъ имъ Манифестъ, и послѣ сказалъ: „вы видите теперь, что я не отнимаю престолъ у брата.» Вѣсть сія не обѣщала добраго, и я пошелъ въ фонарикъ. Здѣсь

я увидѣлъ слѣдующую картину: конная гвардія съ командиромъ своимъ Орловымъ (Алексѣемъ Ѳедоровичемъ) на рысяхъ скакала изъ казармъ своихъ къ штабу, и съ появленіемъ ея Государь изволилъ перейти на средину площади, (гдѣ теперь колонна), сопровождаемый дворцовымъ карауломъ и преображенскимъ баталіономъ, прибѣжавшимъ съ Милліонной въ шинеляхъ и фуражкахъ, заряжая на маршѣ ружья, Изъ-подъ арки бѣжали и примыкали къ нимъ саперы. Съ Гороховой улицы шелъ Московскій полкъ къ Сенату. Когда же показались Семеновскій и Егерскій, то саперы пошли на дворцовый дворъ и тотчасъ заняли всѣ выходы, а Государь съ отрядомъ, предшествуемый конною гвардіею, отправился къ Сенату.

Нашедши въ комнатахъ Совѣта фракъ свой уже привезеннымъ, вышелъ я по Салтыковскому подъѣзду (противъ адмиралтейства) на бульваръ, и пробываясь между чернію и разнаго состоянія людьми, старался развѣдать: что такое дѣлается? Одни отвѣчали: *не знаемъ* и сами добиваемся толку, — другія: *говорятъ, что бунтъ, Боже сохрани!* — и съ такими отвѣтами дошелъ я до Исакіевской церкви. Здѣсь увидѣлъ Го-

сударя на лошади, лицемъ къ адмиралтейству, и гвардію, расположенную отъ дому Крюковской (угольный на площади въ Гороховую улицу) до Исакіевскаго моста; артиллерія стояла у мосту, на Англійской набережной, позади конно-гвардейскаго манежа и на углу адмиралтейства ко дворцу. Около Сената же обыкновенная и впереди ее какія-то сборныя команды гвардейскихъ полковъ, но по воротникамъ большею частію Московскаго; площадь около самаго монумента Петра Iго была свободна и по ней безпрепятственно переходили съ бульвара къ Сенату и обратно не только люди всякаго званія, но и солдаты изъ фронта. Здѣсь увидѣлъ я идущаго отъ Сената Статскаго Совѣтника Грабе-Горскаго и узнавши отъ него болѣе, нежели ожидалъ (о чемъ скажу послѣ), отправился обратно во дворецъ, надѣлъ я мундиръ и пустился въ осмотръ. Отъ фонарика на площади пусто было; войска густыми колоннами стали около Исакіевской церкви; лѣстницы во дворцѣ набиты были солдатами съ ружьями, а на дворѣ дворцовомъ устроилось каре распоряженіемъ кокамданта Башуцкаго, страннымъ до того, что глядя сверху понять нельзя было о прямомъ

его намѣренiи: поминутно солдаты тѣснились и растягивались, выходили на крыльца и въ ворота и возвращались. Какъ теперь смотрю, что въ этой суматохѣ Башуцкiй переводитъ съ правой стороны одинъ какой-то баталiонъ въ шинеляхъ на лѣвую, гдѣ стоящiй баталiонъ не можетъ осадить, потому что припертъ къ самой платформѣ гауптвахты; это мѣсто очищалъ Башуцкой лейбъ-гренадерскому баталiону, предводимому однимъ мальчикомъ офицеромъ, за которымъ бѣжалъ флейщикъ, и еще хвостъ не устроился, какъ мальчикъ тотъ повелъ обратно баталiонъ со двора на площадь, а Башуцкой опять принялся за распоряженiе, какъ занять оставленную пустоту. Послѣ извѣстно сдѣлалось, что баталiонъ этотъ подъ командою поручика или капитана Панова приходилъ занять крѣпость, но найдя ворота запертыми, бросился во дворецъ, гдѣ также найдя принятыя мѣры, отправился на площадь, и въ глазахъ Государя и гвардiи прошелъ мимо ихъ около бульвара прямо къ Сенату и соединился съ бунтующими солдатами Московскаго полка.

Между тѣмъ время сблизилось къ двумъ часамъ и дворецъ наполнился пріѣхавшими по

повѣсткѣ для поздравленія. Дамы всѣ были разряжены; но мужское одѣяніе представляло пестроту, ибо многіе, бывъ повѣщены на службѣ, чтобы не опоздать, прямо проѣхали во дворецъ въ черныхъ панталонахъ. Военные всѣ уходили на площадь и въ залѣ оставались только двое: Князь Лобановъ, по старости и непринадлежности къ арміи, и Графъ Аракчеевъ — по трусости, какъ говорили тогда, можетъ быть злословіе; но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слово, и онъ радъ былъ усѣвшись на диванчикѣ съ пріѣхавшимъ во дворецъ княземъ Лопухинымъ. Видя меня разговаривавшаго съ А. Ѳ. Орловымъ, который неоднократно присылалъ былъ съ площади къ Императрицамъ, — Графъ Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ сначала съ просьбою: не могу-ли я, по старой пріязни, подарить ему экземпляръ Манифеста*), а потомъ: что, батюшка, есть-ли утѣшительныя вѣ-

*) Я послалъ своего куръера съ полтинникомъ въ Сенатскую Типографію, и чрезъ полчаса вручилъ Аракчееву просимый экземпляръ. Онъ чувствительно благодарилъ и пожалъ мнѣ руку. Это было послѣднее явленіе въ нашей драмѣ, и я не встрѣчался уже съ Аракчеевымъ въ остальные годы его жизни.

БИБЛІОТЕКА

сти? Я ему сказалъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ, у Сената стоящей, и что Государь, не рѣшаясь на крайнюю мѣру, надѣется убѣжденіями образумить заблуждающихся, заботясь болѣе о бѣдномъ Графѣ Милорадовичѣ, за жизнь котораго не ручаются доктора. Арачеевъ съ ужасомъ отошелъ отъ меня, услыхавъ въ первой разъ о ранѣ, нанесенной Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два уже всѣмъ извѣстно было. — Сдѣлалось темно, зажгли свѣчи, и Полковникъ Чихачевъ пробѣжалъ чрезъ залу; вскорѣ возвратился, и за нимъ шелъ Митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи, съ поддіаконами. Государь вытрѣбовалъ его изъ церкви на площадь; но слова Митрополита заглушены были крикомъ и угрозами мятежниковъ, и онъ чрезъ полчаса воротился во дворецъ. Вслѣдъ за симъ услышали мы пушечные выстрѣлы, послѣ которыхъ не болѣе какъ чрезъ $^1/_4$ часа изволилъ и Государь пройти чрезъ залу, не останавливаясь, къ Императрицамъ. Тутъ узналъ я, что послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ картечью, мятежники разсыпались по Галерной улицѣ, Англійской набережной и Ва-

сильевскому острову, что они бросаютъ ружья и что ихъ захватываютъ кавалергарды и конная гвардія и приводятъ въ Сенатское зданіе, гдѣ сидятъ для допросу Генералъ-Адъютанты Васильчиковъ и Кутузовъ, изъ коихъ послѣднему велѣно исправлять должность Военнаго Генералъ-Губернатора.

Еще прошло $^1/_4$ часа, и Государь съ Императрицами изволилъ выйти изъ внутреннихъ комнатъ, поклонился бывшимъ въ залѣ и прошелъ прямо въ церковь. Отслушавши тамъ молебенъ, стали разъѣзжаться, и я воротился домой почти въ 6ть часовъ вечера. Войска разложили огни и остались на ночь кругомъ дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты, ведущія на Дворцовую и Сенатскую площади.

На завтра (15ю Декабря) заѣхалъ я въ канцелярію, но больше ничего не могъ узнать, кромѣ смерти Графа Милорадовича, и что всю ночь то приводили, то сами являлись къ дежурному Генералъ-Адъютанту Левашеву разнаго рода люди, которыхъ водилъ онъ къ Государю. Эта были соучастники заговора, и показанія ихъ, наипаче же добровольно являвшихся съ повинною, представили такую цѣпь, что учредили слѣдствен-

ную коммиссію, занимавшуюся день и ночь въ крѣпости. Къ чести Государя сказать должно, что въ составѣ Коммиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратить ее въ инквизицію, и потому привлеченныя къ дѣлу не только невинныя, но и маловиновныя немедленно отпускаемы были на свободу. Впослѣдствіи узналъ я, что Царь, поговоря съ преступникомъ и найдя раскаяніе, тутъ же прощалъ однихъ или удалялъ на житье и для выслуги; и такимъ образомъ ста два человѣкъ и преданы суду не были; но больше и меньше знали о томъ въ городѣ по родству и знакомству. Столица дорого цѣнила правило, принятое Императоромъ, и общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: чтобы было, если бы сидѣли въ Коммиссіи Аракчеевъ и Клейнмихель? разумѣя подъ симъ не потачку злодѣямъ, которыми всякой мерзѣлъ, но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству. Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ Аракчеева, чувствовавшаго приглашеніе старости, и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, — дружба и любовь къ ближнему составляли

для него пустой наборъ словъ, — по примѣру Аракчеева разстался и съ женою (хотя по страсти увезъ ее отъ матери изъ церкви), и Аракчеевъ утѣшился, видя какъ дрожатъ предъ нимъ всѣ на военныхъ поселеніяхъ. Царь зналъ молодца, и приведеніе военныхъ поселеній къ присягѣ поручилъ не ему, а своимъ Генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать, и коль скоро присяга на поселеніи кончилась, они отправились изъ столицы, подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго Государя. Такимъ образомъ спаслось Русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы Слѣдственная Коммиссія попалась въ руки Аракчеева и Клейнмихеля.

Вышедши 15го Декабря изъ канцеляріи на площадь, встрѣтилъ я умилительное зрѣлище: бунтовавшіе вчера солдаты съ слезами приняли прощеніе и присягали подъ открытымъ небомъ. Потомъ вынесенныя изъ дворца знамена Гвардейскаго морскаго экипажа и лейбъ-гренадерскаго баталіона Государь самъ возвратилъ этимъ раскаявшимся отрядамъ, и они съ крикомъ: ура! отправились въ свои казармы.

Примѣч. Горскаго узналъ я въ 1814 году въ Парижѣ. Избитый, на костыляхъ, артиллерійской офицеръ, явился онъ ко мнѣ ошибкою и я, узнавши, что у него нѣтъ знакомыхъ въ главной квартирѣ, имѣлъ случай сдѣлать ему услугу; въ 1817 году, изъ благодарности, пріѣзжалъ онъ ко мнѣ въ С. Петербургъ, будучи уже Статскимъ Совѣтникомъ; потомъ ѣздилъ на Кавказъ Вице-Губернаторомъ, и по возвращеніи оттуда опять сталъ ѣздить; я же, изъ вѣжливости, приглашалъ его иногда обѣдать, но самъ у него никогда не былъ. По слухамъ, жилъ онъ хорошо и имѣлъ состояніе по женѣ (гр. Горцель). Долго не видавши его, и встрѣтивъ 14го Декабря на бульварѣ, въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ, спросилъ я о причинѣ такого парада и вотъ отвѣтъ его: „я занемогъ горячкою, и три недѣли не выходилъ изъ дому; вчера объявляетъ мнѣ квартальной требованіе Печальной Коммиссіи, чтобы представить меня, если не явлюсь самъ сего-дня въ Коммиссію, и тутъ только узнаю, что я наряженъ туда отъ Герольдіи и что мнѣ было двѣ повѣстки, которыхъ никогда не получалъ. Сего-дня, закутанный, въ каретѣ, пріѣзжаю въ Коммиссію, но мнѣ сказано, что при-

сутствія не будетъ по случаю присяги, и что объ оной есть объявленіе Полиціи; почему и я велѣлъ ѣхать къ Спасу на Сѣнной, дабы присягнуть и воротиться домой. У Каменнаго мосту остановили меня войска, и знакомый Князь Щепинъ вытащилъ изъ кареты; не смотря на сопротивленіе, я долженъ былъ идти съ его ротою до Сената, и тутъ услышалъ, что они не хотятъ присягать изъ опасенія измѣнить Константину Павловичу, который гдѣ-то задержанъ. Можетъ быть и правда, Богъ знаетъ! только разсказы солдатъ привлекаютъ много товарищей и черни; я хотѣлъ уйти, но не пускаетъ Щепинъ; отдѣлался на честное слово, что ворочусь, лишь отыщу своего извощика; теперь нашелъ у манежа, да жандармъ не пускаетъ, и толку не добьюсь, кто приказалъ не прогаться каретѣ съ мѣста; дожидаюсь Шульгина (Оберъ-Полицеймейстира), чтобы сдержать только слово и уѣхать домой, ибо что-то не хорошо. Тамъ мнѣ не сказали, а здѣсь говорятъ, что Московцы не просто вышли изъ казармъ и чуть-ли не убили кого-то, да и командиру полка досталось. И такъ уже сомнительно показалось мнѣ шептанье съ приходящими къ Щепину людьми, и какая-то

тревога послѣ того какъ ранили Милорадовича. Боюсь еще, чтобы не перепились солдаты, ежели не запрутъ ближняго кабака; тогда не сладятъ съ ними, я хорошо ихъ знаю. Прощайте, совѣтую я вамъ не оставаться здѣсь.» —

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Patz.

Адреси — 4р

и-и — 4р

товар с Сапи — 3р 40

Дочки и мяси — 2р 60

Гитяу — 2р

НС — 1р 70 [illegible]

18р

6р

1 —

2

ОИК — № 51686.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕРГАРДЪ, книгопродавецъ, издатель и коммиссіонеръ для иностранцевъ, предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ I. Стихотворенія ПУШКИНА, РЫЛѢЕВА, ЛЕРМОНТОВА и другихъ лучшихъ авторовъ, 1 Thlr. 15 Ngr.

Томъ II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. 15 Ngr.

Томъ III. РОВИРА или Рабство. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Ивана Головина. 15 Ngr.

Томъ IV. ЛЕКЦІИ О ФРЕНОЛОГІИ съ иллюстраціями, Ивана Головина. 20 Ngr.

Томъ V. ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АНГЛІИ, Ивана Головина, съ портретомъ автора. 1 Thlr. 15 Ngr.

Томъ VI. ЗАПИСКИ И. Головина. 1 Thlr. 15 Ngr.

Томъ VII. МОЛОДАЯ РОССІЯ И. Головина. 24 Ngr.

Томъ VIII. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Пушкина и Шевченки. 7½ Ngr.

Томъ IX. ЗАПИСКИ ФОНЪ-ВИЗИНА. 1 Thlr.

Томъ X. СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Некрасова. 1⅓ Thlr.

Томъ XI. СТИХИ Сп.....аго и П. П. 15 Ngr.

Томъ XII. ОНА ТОЛЬКО ДУША! Вильгельма Вольфзона. 1 Thlr.

Томъ XIII. РИМЪ И СТ.-ПЕТЕРБУРГЪ. 7½ Ngr.

Томъ XIV. КТО ПРАВЪ? 15 Ngr.

Томъ XV. О СВОБОДѢ. Соч. Д. С. Милля. 1⅓ Thlr.

Томъ XVI. ДУХОВНАЯ Василія Никитича Татищева. 7½ Ngr.

Томъ XVII. О ЮНОСТИ АЛЕКСАНДРА Iго, кн. Ав. Галицынъ. 10 Ngr.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.